

СОЧИНЕНИЯ В СТИХАХ И ПРОЗЕ

Стефан

Малларме

1995
МОСКВА
«РАДУГА»

СЛАВА

Слава! я узнал ее только вчера, неопровержимо, и ничто не побуждало назвать ее кому-нибудь так.

Сто афиш, уподобляющихся золоту, непонятному дням, предательство письмен, бежали, как будто ко всем пределам города, мои глаза по поверхности горизонта, при отъезде по рельсу, влекшиеся прежде, чем собраться в темную гордость, которую дает приближение к лесу во время его апофеоза.

Если разлад среди иступления времен, крик, извращающий известное имя, чтобы развернуть продолжительность вершин, поздно уничтоженных, Фонтенбло, как я думал, принуждая стекло купе, так же кулаком сжать горло прерывающего: Молчи! Не разглашай случая равнодушному лау тени, здесь вкравшейся в мой разум, у дверец вагона, бьющихся под ветром внушенным и уравновешенным, вездесущие, изверженные туристы. Обманчивое спокойствие богатых лесов останавливает в окрестностях какое-то удивительное состояние иллюзий, что ты мне отвечаешь? что они,

эти путешественники, покинули сегодня столицу для твоего вокзала, хороший служащий, вопящий по долгу и которого я не жду, далеко от того, чтобы перекупать восторг, всем распределенный соединенными вольностями природы и Государства, ничего, как продолжительное молчание, время мне уединиться от городского полномочия к восхитительному оцепенению этой листвы, там слишком неподвижной, чтобы кризис ее не разбросал скоро в воздухе: вот, не посягая на твою честность, возьми, вот монета.

Невнимательный мундир приглашает меня к какой-то заставе: я отдаю, не говоря ни слова, вместо подкупщика металла, мой билет.

Привыкший, все же, да видеть асфальт, расстилающийся, чистый от шагов, так как я не могу еще себе представить, что в этот торжественный исключительный октябрь миллион существований громоздят свою пустоту так, как огромное однообразие столицы, которой повадки сотрутся здесь со свистом в тумане, никто тайно бежавший, как я, не почувствовал, что он в этом году полон горькими и пронизательными рыданиями, многократно нерешительное колебание идеи, убегая от случая, как ветки, такой озноб и что заставляет думать об осени под небесами.

Никто и, улетевшие руки сомнения, как кто-то носит также жребий тайной роскоши, слишком неоцененной трофеей, чтобы показаться! но без удара броситься в это дневное бдение бессмертных стволов под склонением к сверхчеловеческой гордости (итак, не нужно разве доказать подлинность?) ни перейти порог, где тлеют факелы, в высокой страже, все предыдущие грезы по их блеску, отражавшему багрец в небесах, универсальное коронование царственного самозванца, которому нужно было только прийти: я ждал им быть, медленно и охваченно обыкновенным движением замкнулся в свои пропорции ребяческой химеры, унося из какого-то мира поезд, который оставил меня там.

Перевод Ф. Сологуба